

Михаил Волконский

Слуга императора Павла

Михаил Волконский
Слуга императора Павла

«Public Domain»

1903

Волконский М. Н.

Слуга императора Павла / М. Н. Волконский — «Public Domain»,
1903

«До сих пор еще не имеет настоящего серьезного описания кратковременное царствование императора Павла Петровича. Так называемую павловскую эпоху избирали для своих романов многие авторы, и имя этого императора довольно часто повторялось на страницах исторической беллетристики. Но те исторические монографии, которые относятся к его царствованию, далеко еще не исчерпывают предмета со всех сторон и не дают представления о времени Павла Петровича и его управления...»

© Волконский М. Н., 1903

© Public Domain, 1903

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	8
Глава вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Михаил Волконский

Слуга императора Павла

Предисловие

До сих пор еще не имеет настоящего серьезного описания кратковременное царствование императора Павла Петровича.

Так называемую павловскую эпоху избирали для своих романов многие авторы, и имя этого императора довольно часто повторялось на страницах исторической беллетристики. Но те исторические монографии, которые относятся к его царствованию, далеко еще не исчерпывают предмета со всех сторон и не дают представления о времени Павла Петровича и его управления.

Оттого ли, что мы слишком близки этому времени и оно не отошло еще для нас в историческую перспективу, или оттого, что наша историческая наука разрабатывалась до сих пор под углом зрения немцев, имевших основание не любить Павла Петровича, но мы пока лишены еще настоящей русской истории императора Павла.

Наиболее претендующая из них на полноту биография Шильдера «Император Павел Первый» чрезвычайно односторонняя и написана с предвзятой целью, чтобы не без налета своего рода суеверия доказать, что преждевременная кончина Павла Петровича была как бы логическим следствием «злого дела», как говорит Шильдер, совершенного в 1742 году лишением престола несчастного малютки Иоанна Антоновича.

Конечно, в такие фантастические отвлечения не должен вдаваться серьезный историк, обязанность которого – изучить описываемое им время, дать верное представление о действовавших тогда исторических лицах и угадать чутьем научного прозорливца связь разбираемого им прошлого с последовавшими и будущими затем событиями. А этого-то и нет, в особенности в труде Шильдера, оказавшегося неспособным снять с себя очки рутины, заведомо предпрещающей, что все, что делалось в царствование Екатерины II, было велико и превосходно и потому должно служить мериллом для оценки всех данных русской истории.

Внешний рост и роскошь екатерининского царствования, слепившие глаза своих современников, до сих пор еще действуют одурманивающе на людей, неспособных отрешиться от навязанных, предвзятых мыслей, несмотря на то что эта пресловутая роскошь и блеск Екатерины Великой стоили таких нелепых и безумных расходов России, что сделанный тогда государственный долг послужил началом того экономического бремени, которое и до сих пор лежит на нас.

Было принято как нечто неопровержимое, что политика Екатерины II отличалась необыкновенной мудростью, но опять-таки только теперь, в самое последнее время, становится ясно, какой обузой было для нас политическое наследие, оставленное нам этой императрицей.

Достаточно упомянуть о вражде к нам Франции и уничтожении самостоятельности Польши и ее разделе.

Слишком поспешные завоевательные действия Потемкина в Турции были, конечно, очень славны и покрыли несомненным блеском русское оружие, но в дипломатическом отношении они оказались совершенно неподготовленными и послужили к раздражению естественной, как оказалось впоследствии, нашей союзницы Франции, на долгое время ставшей враждебной нам помехой в наших отношениях с Оттоманской империей. При Екатерине мы старались ладить с Австрией, заботились о целостности этой случайно собранной из несродных друг другу частей империи и враждовали с Францией, которая помнила эту вражду до самых наших дней. Воюя с турками, мы пренебрегали французскими интересами и тщательно охра-

няли австрийские. Уничтожением самостоятельности Польши и разделом ее мы также способствовали лишь расширению и увеличению могущества Пруссии и Австрии, являющимися на деле нашими истинными врагами.

Где же здесь политический гений, и не вправе ли мы наконец сказать, что всей неурядицей наших международных отношений, вплоть до императора Александра III, повернувшего эти отношения на истинный национальный путь, мы обязаны ошибками екатерининского царствования?

К чему приводят сейчас нас переживаемые великие исторические события? Волей-неволей убеждают они, что нам необходимо теснейшее единение твердого союза с Францией и создание вновь так называемого «государства-буфера» из отданной на кормление немцев Польши. Ныне приходится нам в союзе с Францией восстанавливать разделенную Екатериной Польшу, причем к этому мы пришли столетним опытом и жестокою войною с теми самыми немцами, которых мы в течение этих ста лет лелеяли и оберегали.

Император Павел Первый царствовал всего четыре года, но он как бы пророчески предвидел, что рано или поздно, хотя бы через сто лет, необходимо будет прийти к совершенно обратному тому, что делала его родительница. И он, несмотря на все свое отвращение к идеям французской революции, вступил в союзные отношения с первым консулом Французской республики Бонапартом и первый громко заявил о том, что раздел Польши был ошибкой, которую он не может поправить лишь потому, что это зависит не от него одного, а и от короля прусского и императора австрийского, а они никогда не согласятся на то, чтобы Силезия и Саксония отошли от Пруссии, а Краков – от Австрии.

Преждевременная смерть прервала дни Павла I, и «блестящее» наследие Екатерины Великой с его непомерным долгом и неестественно несоответствующими выгодам России международными отношениями дошло до нас почти во всей своей прелести, и мы, беспомощно разводя руками пред громадностью нашего государственного долга и враждая с революционной Францией, продолжали прославлять блестящее правление Екатерины, желая подобострастно подражать ее будто бы «политическому гению».

Нужно было, чтобы настоящий русский гений императора Александра III, порвав с немецкими традициями, заключил союз с Францией и чтобы дикий разгул немецкой разнузданности открыл нам наконец глаза на необходимость самостоятельной Польши.

Император Павел I сто лет тому назад понимал и то, и другое, а ему в исторической науке не хотели отвести то место, которое ему подобает, и даже люди, симпатично относившиеся к нему, рисковали лишь «оправдывать» его, стараясь выставить тягости, перенесенные им нравственно в детстве и юности. Теперь сами события, в их историческом развитии, оправдывают Павла I, и нет сомнения, что явится настоящий историк, который поймет, что в Павле Петровиче Россия потеряла великого императора.

Насколько Екатерина Вторая была счастлива в людях, ее окружавших, настолько Павел Первый был неудачлив в выборе своих сподвижников.

Соображение, что Екатерина Вторая умела выбирать людей, а Павел Петрович – нет, в корне опровергается выбором Екатериною бездарного Зубова, которому она поручила в конце своего царствования ведение всей иностранной политики. В сущности, Екатерина никого не выбирала, а, наоборот, ее выбирали энергичные и талантливые люди, возведшие ее на престол и затем помогшие ей утвердиться.

Нужно ясно представить себе ту распушенность и тот хаос в государственном управлении, которые существовали при Екатерине, чтобы понять, какой труд должен был нести Павел Петрович и какую ломку пришлось проделать ему для того, чтобы ввести государственный строй в определенное русло.

Чиновники при Екатерине не ходили на службу вовсе, военные одевались в модные кафтаны и с собольими муфточками разъезжали в каретах цугом; беспорядок в финансах дошел

до того, что Потешный дворец в Москве содержался на доходы с почтового двора. Начало царствования Павла ознаменовано целым рядом указов именно хозяйственного характера.

Само собою разумеется, что нововведения Павла I порождали недовольство, и чиновники, обязанные являться на службу к шести часам утра, и офицеры, принужденные бросить свои муфточки и перестать кататься в экипажах, были возмущены и роптали.

Этот ропот питался сплетнями, и они распространялись по Петербургу, а оттуда разносились по всей России. На Павла Петровича лгали с остервенением, с нескрываемым злорадством, и эта ложь заносилась в записки досужих людей и до сих пор принимается многими за якобы подлинное свидетельство.

Между тем порядок внутреннего управления, установленный Павлом Петровичем, явился настолько прочным и настолько соответствовал нашему духу, что, при всех своих недостатках, происшедших от поспешности, с которой был введен, устоял неизменно в главных своих чертах до наших дней и позволил России развиваться и укрепиться, остаться великодержавным государством.

Глава первая

I

В доме Сергея Александровича Проворова случился сильный переполох.

Плотно и с большим аппетитом поужинав, встал он из-за стола веселый и радостный, поцеловал свою молодую жену и прошел к себе в кабинет, а через некоторое время она, войдя к нему, застала его лежащим в бессознательном состоянии на диване. Что случилось с ним, нельзя было понять. Лежал он не двигаясь, с закрытыми глазами.

Послали за доктором. Пришел какой-то врач, старый немец, живший случайно поблизости, и, определив удар, сказал, что необходимо как можно скорее пустить кровь.

В эту минуту вернулся домой брат молодой Проворовой.

– Клавдий! – встретила та его. – У нас несчастье – у Сергея удар!..

– Что за глупости! – спокойно возразил Клавдий. – Не такие его годы, чтобы с ним могло случиться нечто подобное!

– Однако доктор говорит...

– Какой доктор?

– Не знаю. Я послала за первым попавшимся... тут живет какой-то немец поблизости.

Он говорит, надо пустить немедленно кровь.

В это время в кабинет, где лежал Проворов, слуга пронес таз, воду и полотенце.

– Ничего этого не надобно! – воскликнул Клавдий и быстрыми шагами прошел в кабинет.

Там доктор засучивал рукава, торопясь приступить к операции.

Клавдий осмотрел зятя, попробовал у него пульс и твердо заявил доктору:

– Оставьте меня одного с ним!

Немец, по-видимому не ожидавший такого решения, удивленно и вместе с тем презрительно посмотрел поверх очков и также не без твердости ответил:

– Если я был призван к больному, я не имею права оставить его без помощи медицины!

Больному надо пустить кровь...

– А я вам говорю, что здесь ваши услуги не нужны, по крайней мере сегодня, – продолжал настаивать Клавдий. – Получите за визит и оставьте нас в покое!

Клавдий сдвинул брови, взглянул на доктора и сделал рукой знак. Последний произвел на немца немедленное действие: доктор опустил глаза, взялся за лоб правой рукой и, больше не рассуждая, молча поклонился и вышел из комнаты.

– Унеси все это прочь! – приказал Клавдий слуге, указав на таз и полотенце. Тот немедленно исполнил приказание, и когда Клавдий остался один с сестрой возле лежащего без движения ее мужа, то, как бы думая вслух, тихо произнес:

– Однако господа масоны слишком уж скоро занялись нами! Не ожидал я, что они так поспешат.

– Ты думаешь? Разве это масоны? – с расстановкой спросила его сестра.

– Несомненно. И этот немец-доктор – тоже масон, и, не сделай я ему повелительного масонского знака, он, пожалуй, мог бы натворить бед.

– Клавдий... ради Бога... случилось что-нибудь серьезное?

– Слава Богу, ничего. Смотри, видишь, твой Сергей переходит уже в состояние нормального сна.

И действительно, щеки Проворова порозовели, дыхание стало определенным и ровным, и на диване теперь лежал просто спокойно спавший человек.

Клавдий вздохнул, как вздыхает человек, только что преодолевший большое внутреннее усилие, и сказал, понизив голос до полного шепота:

– Теперь надо оставить его в покое, пусть хорошенько выспится. Надо, чтобы все было тихо вокруг него, чтобы случайный шум не нарушил резко его сна.

– Что же это с ним было? – тоже шепотом спросила его сестра. – Ты говоришь, масоны?

– Потом, потом, – остановил ее Клавдий. – Когда Сергей проснется, я все объясню. Будь совершенно спокойна: ничего серьезного нет, а пока пойди и распорядись, чтобы прислуга в доме ходила на цыпочках и чтобы дети не на шумели, лучше всего сама займи их, а я останусь возле Сергея, когда будет нужно, я позову тебя.

Проворова, видимо, верила брату и послушно последовала его совету.

Когда она ушла, Клавдий запер дверь кабинета и, оставшись один с Проворовым, встал у его изголовья, а затем, протянув над ним руки, стал делать магнетические пассы.

Это потребовало от него нового усилия, и он с настойчивостью продолжал свое дело, как бы борясь с какой-то силой, шедшей извне, издали. Изредка губы его шевелились, и он произносил какие-то непонятные слова. Наконец он выпрямился и, соединив указательные пальцы обеих вытянутых вперед рук вместе, громко сказал, точно приказывая кому-то невидимому: «Я так хочу!» Через минуту он опять глубоко вздохнул, опустился почти в изнеможении в кресло, стоявшее рядом с диваном, где лежал Проворов, и лоб его покрылся крупными каплями пота.

II

Клавдий Чигиринский, шурин и приятель Проворова, только что сделал с его семьей длинное и долгое путешествие из Крыма в Петербург.

Они ехали всем домом на долгих, то есть на своих лошадях, оставив в Крыму новое, только что налаженное хозяйство. Проворов усердно занялся им как один из первых ревнителей русского дела в новой провинции Русского государства и, если бы не важное дело, ни за что не оставил бы своего имения и не потащился бы на север.

Его жена, Елена, посвященная во все его дела, не захотела отпустить его с братом одного и настояла на том, чтобы ехать вместе. Но раз ехала Елена, надо было взять с собой и детей, которых у Проворова было двое, и дети-то, главным образом, и послужили задержкой в пути. Сначала пришлось остановиться в Харькове, а затем дети заболели в Москве, так что Проворовы должны были там нанять квартиру и прожить довольно долго. Наконец они снова двинулись в дорогу и доехали до Петербурга уже по санному пути в трех купленных в Москве возках. Был уже январь 1797 года на исходе.

Остановились Проворовы в доме, доставшемся Елене по наследству от ее тетки, фрейлины Малоземовой. Этот дом был хотя не особенно пышен, но довольно приличен, поместителен, удобен и уютен.

Чигиринский занял три отдельные комнаты в нижнем этаже.

Обморок с Сергеем Александровичем случился дней через семь после того, как они приехали в Петербург.

Масоны, которых Чигиринский обвинил в происшедшем с Проворовым, тогда снова подняли голову в России с воцарением императора Павла Петровича, относившегося к ним весьма благосклонно еще в бытность свою цесаревичем. Те из них, которые были сосланы Екатериной II, получили прощение, а те из приближенных к новому императору, которые принадлежали к братству вольных каменщиков, считались в большой силе.

Мистический ум Павла Петровича и давнишние его сношения с оккультными обществами были всем хорошо известны, и теперь общее мнение было таково, что с восшествием на престол императора Павла вступила в полную силу власть масонов.

И действительно, эта власть казалась настолько полной, что надо было быть очень сильным человеком, чтобы решиться противоборствовать ей.

Однако Чигиринский с Проворовым были противниками масонов, имея твердые основания считать их вредными для государства вообще и для России в особенности.

Они принадлежали к числу тех необъявленных скрытых врагов масонства, которых (они знали это) много среди православных на Руси и которые, не составляя не только секты, но даже общества или кружка, действуют каждый в отдельности, не зная и часто не подозревая друг о друге, но тем не менее действуют упорно и настойчиво и в полном единомыслии.

Кроме того, у Проворова с Чигиринским была в руках возможность нанести масонам серьезный вещественный удар, и ради этой-то цели они явились в Петербург с воцарением Павла I, предприняв свое далекое путешествие.

В данном случае главным действующим лицом был Чигиринский, обладавший необыкновенной силой внушения, то есть силой так называемого теперь гипнотизма. Эта сила дала ему в прошлом возможность войти в масонские круги и в качестве масона противодействовать всему, чему не сочувствовал он в деятельности масонов.

Он знал по опыту, что вольные каменщики, делящиеся на множество степеней, бывают в известных степенях и добродетельны, вроде, например, известного в то время в России Новикова, но эти добродетельные люди так и остаются в масонской иерархии на своей степени и дальнейшего посвящения не получают, воображая, что достигли пределов знаний своего общества.

Чигиринский давно проник в руководящие масонские круги, знал, что они такое, а также и то, насколько ими обмануты порядочные люди, попавшие в их среду.

Проворов, не обладавший никакой особенной силой, бывший просто честным, порядочным, чисто русского склада человеком, являлся единственным его помощником вместе со своей женой, которую даже в мыслях не мог отделить от себя.

И вот они втроем явились теперь в Петербург для борьбы с будто бы всемогущими масонами и, по-видимому, в первые же дни своего пребывания здесь подверглись нападению тайной силы, руководимой вольными каменщиками.

Когда после минут сорока спокойного и крепкого сна Проворов очнулся, не отходивший от него Чигиринский позвал сестру и стал объяснять им, как он понимает случившееся.

– Вот видите ли, – заговорил он спокойно, не торопясь, с полным сознанием правдивости того, что сообщает, – вам, конечно, известно, что естество человека в его целом состоит из трех частей или так называемых элементов: духа, нашего материального видимого тела, и тела просвещенного, или астрального, не материального, но все-таки тела, соединенного с материей особым аппаратом, называемым в официальной медицине селезенкой. В официальной медицине существует мнение, что селезенка в человеческом теле – совершенно излишний орган, действующий лишь тогда, когда человек голоден. Совершенно верно, что, когда человек голоден, материальное тело ощущает известный ущерб, а астральное начинает проявляться к деятельности, и деятельность эта обнаруживается прежде всего, конечно, на звене-селезенке, соединяющем астральное и материальное тела. Если человека оставит его друг, то есть высшее руководящее начало в нем, то он делается душевнобольным или сумасшедшим, и два его тела – материальное и астральное, – не разъединенные, но уже не управляемые и не направляемые, будут жить, то есть проявлять внешние человеческие отправления, но человека уже существовать не будет. Когда же с материальным телом разъединяется не только дух, но и астральное тело, то наступает смерть, иначе говоря, то, что мы называем этим словом. Материальное тело остается безжизненным, лишается поддержки, и мы видим, насколько оно непрочное, так как часто в течение трех дней начинает разлагаться, обращаясь, по слову Писания, в ту землю, из которой создано.

III

Чигиринский говорил, а Проворовы слушали его внимательно, сидя в обставленном новой мебелью кабинете. Этот кабинет был единственной комнатой, которую отделали для себя новые хозяева, оставив все остальные в прежнем виде, как были они при фрейлине Мало-земовой. Большая карельская лампа под абажуром разливала мягкий свет, пол был покрыт ковром, двери и окна завешены тяжелыми гардинами.

– Мир внешний, физический, – продолжал Чигиринский, – имеет дело с телом материальным, которое надо поддерживать посредством питания предметами вещественного мира; если не давать этого питания, человек будет ощущать голод или жажду; кроме того, можно каким-нибудь внешним ударом причинить боль этому телу и нанести такую рану, что будет нарушена связь его с духом и наступит смерть. Все эти эффекты видимы для нас и определенно ощутимы. Но дело в том, что можно также особыми способами воздействовать и на астральное тело. Оно может также получать удары и должно также пользоваться своего рода питанием. Поэтому и астральному телу можно нанести смертельный удар, лишив его питания или дав ему отраву. Кроме того, можно подчинить это астральное тело воле другого человека, и тогда последний будет всецело властвовать над тем, чье астральное тело у него в подчинении. Усыпив материальное тело, можно разговаривать с астралом и требовать от него тех или других действий. Можно на известное время отделить искусственным путем внушения астрал от материального тела, тогда материальное тело человека будет лежать как бы в глубоком обмороке, похожем на полную смерть, а его астрал в это время на довольно далеком расстоянии может даже материализоваться, то есть принять хотя и не осязаемые, но все-таки видимые очертания. Так вот, с Сергеем сейчас проделали такую штуку: он впал в обморок, а его астральное тело в это время было отвлечено в другое место.

– Куда же? – воскликнули с оттенком испуга в один голос Елена и Проворов.

– В заседание великой ложи Астреи. Хорошо, что я с первого же дня нашего приезда следил за господами масонами и знал, что сегодня вечером назначено заседание верховной для России ложи Астреи. Когда я увидел Сергея в обмороке и хлопчущего возле него доктора, ответившего на сделанный ему мною масонский знак, мне сразу стало все ясно: я знал, где собирается ложа, и направил в ту сторону свою волю, которая оказалась сильнее масонской цепи, попытавшейся распорядиться астралом Сергея. Я вернул его и сделал над ним пассы, которые необходимы, чтобы предупредить и на будущее время подобное масонское предприятие. Теперь с этой стороны Сергей совершенно обеспечен.

– Но ведь это же ужасно! – воскликнула Елена. – Ведь масоны могут придумать что-нибудь новое!

– Единственно опасное из всего, что есть у них в распоряжении, – возразил Чигиринский, – только и было вот это так называемое насильственное раздвоение астрала с материальным телом. И в этом мы оказались сильнее их. Признаюсь, я сам не ожидал, что обладаю таким током. Как бы то ни было, теперь с этой стороны мы в полной безопасности, и нам только остается благодарить судьбу и масонов за то, что они уже заняты нами и слабее нас. Значит, нам надо, в свою очередь, исполнить свой долг, а затем, не задерживаясь долее в Петербурге, отправиться назад, подальше от масонов и их лож.

– Так что, ты думаешь немедленно же начать действовать? – спросил Проворов.

– Именно немедленно, – подтвердил Чигиринский, – то есть с сегодняшнего же вечера.

– Даже с сегодняшнего вечера?!

– Да, сию минуту, не выходя из этой комнаты. Чигиринский улыбнулся, протянул руку по направлению к двери и повелительно произнес:

– Спи!

Вслед за этим за дверь послышалось падение тела.

– Ну да, я так и думал! – усмехнулся Чигиринский. – Это Нимфодора подслушивала нас, и мы начнем с того, что узнаем, делала ли она это просто по своей давней привычке, из любопытства, или же это ей поручено и она шпионит за нами.

Нимфодора была одной из двух старых приживалок покойной фрейлины Малоземовой, оставшейся в наследство Проворовым вместе с домом и проживавшей теперь там.

– Встань, отвори дверь и входи к нам! – приказал Чигиринский, опять протягивая руку.

Через минуту дверь отворилась, и Нимфодора с открытыми, но неподвижными, как у лунатика, глазами появилась, послушно повинуясь, видимо, не своей, а чужой воле.

– Мое вам почтение! – насмешливо произнес Чигиринский, но Нимфодора остановилась, продолжая без выражения глядеть перед собой.

– Скажи, тебя кто-нибудь подговорил следить за нами и подслушивать?

– Да, – произнесла как-то беззвучно Нимфодора.

– Тебе за это платят?

– Нет.

– Значит, только еще обещали заплатить? Да? Сколько?

– Триста рублей.

– Ого! – воскликнул Чигиринский. – Значит, ради нас не скупятся на расходы!

– Он сказал мне, что и еще даст, если только я буду аккуратно приносить ему сведения.

– Кто же это «он»?

– Доктор Пфаффе.

– Это тот немец, который приходил лечить Сергея Александровича?

– Да.

– Он живет поблизости? Ты его давно знаешь?

– Да, он лечил покойную фрейлину, нашу благодетельницу.

– Отлично! Когда ты должна прийти с отчетом к доктору Пфаффе? Сегодня же вечером?

– Нет, сегодня вечером его не будет дома. Завтра утром.

– Хорошо. Теперь ты забудешь навсегда все, что узнала, подслушивая тут у дверей, а завтра утром отправишься к доктору Пфаффе, как он сказал тебе, и заявишь ему, что Сергей Александрович после его ухода очнулся очень не скоро и весь вечер и ночь чувствовал себя нездоровым, а я оставался при нем до двенадцатого часа, и ты видела, как в двенадцатом часу я оделся в шубу и, никому не говоря, ушел из дома. А теперь вернись к себе в комнату, ляг в постель и спи до завтрашнего утра! Ступай!

Нимфодора повернулась и пошла, точно была неживым человеком.

– Ну, а теперь мне пора! – сказал, вставая, Чигиринский.

– Куда же ты? – удивился Проворов. – Ведь теперь еще девятый час, а ты сказал ей, что выйдешь в двенадцатом?

– Сегодня у масонов после заседания ложи Астреи, в двенадцать часов, назначено совещание главарей, и до этих пор мне надо успеть сделать так, чтобы масоны и не подозревали этого.

– А потом?

– А потом я отправлюсь на собрание главарей. Дай мне шкатулку с документами! Я хочу сегодня же закончить наше дело здесь в Петербурге с тем, чтобы можно было ехать хоть завтра.

– Что же ты хочешь делать?

– Это мое дело!

– Ты хочешь действовать один? Может быть, я могу помочь?

– Нет, пока не нужно. Вот если я сегодня не вернусь, тогда дай знать, куда я отправился. Подробный адрес и список главнейших масонов и другие данные, чтобы меня разыскать, вот

в этом пакете. В случае надобности распечатай и прочти! – И Чигиринский вынул из кармана пакет и передал его Проворову.

Сергей Александрович видел, что у его шурина уже составлен определенный план действий и расспрашивать его совершенно напрасно, потому что он все равно ничего не расскажет. Поэтому он отворил сделанный в стене над диваном потайной шкафчик и вынул оттуда тяжелую несгораемую шкатулку, отпер ее секретным ключом и достал перевязанные черной лентой с треугольной масонской печатью документы.

Чигиринский взял их и бережно спрятал не только под камзол, на груди, а и под панцирь, который носил под камзолом.

– Ну, помогай тебе Бог! – сказал ему Проворов прощаясь, а Елена крепко поцеловала брата и молча перекрестила его.

IV

Чигиринский спустился к себе в комнаты, достал свою старую форму Конногвардейского полка, в котором служил, и быстро переоделся. Мундир показался ему только немного узким, но от этого он только плотнее облегал его фигуру. Плотнo закутавшись в плащ, Клавдий вышел на улицу и быстрыми шагами направился к Зимнему дворцу, до которого было недалеко, так как дом Малоземовой был поблизости, на Миллионной.

На углу у дворца стоял часовой, и Чигиринский сразу решил, что, по-видимому, ему везет; часовой был конногвардеец, значит, караулы в Зимнем дворце нынче держал Конный полк, а это было настолько на руку Чигиринскому, что лучше этого он и сам бы придумать не мог.

Он подошел к солдату. Тот вытянулся, отдавая честь саблей.

Чигиринский оглянулся. Кругом никого не было; покрытая снегом широкая площадь перед дворцом тоже была пуста и тонула в полумраке, освещенная одними только звездами.

Чигиринский, желая испытать свою силу не вслух, а мысленно, приказал часовому спать, только устремив на него пристальный взгляд, и сейчас же увидел, что лицо часового приняло определенное выражение лунатика.

– Стой смирно! – шепотом приказал ему Клавдий. Если бы кто-нибудь увидел их так, то подумал бы, что просто офицер разговаривает с солдатом, и только, но даже этого некому было подумать.

– Какой пропуск? – опять, не повышая голоса, прошептал Чигиринский.

Губы часового шевельнулись, и он ясно и послушно произнес:

– Благодать.

– Как зовут офицера, который сегодня в карауле?

– Князь Манвелов, ротмистр...

Чигиринский знал Манвелова, который был при нем еще фендриком.

– Когда я отойду от тебя, – приказал он часовому, – ты проснешься и будешь стоять на часах как ни в чем не бывало.

Вслед за тем, дунув солдату в лицо, он пошел по направлению главных ворот дворца, сказал пропуск и беспрепятственно прошел во внутренний двор.

В свое время Чигиринскому приходилось не раз дежурить в карауле во дворце, и все входы и выходы здесь он знал превосходно.

У маленького подъезда стоял опять часовой, что было, очевидно, нововведением Павла I, потому что при Екатерине охрана казалась вовсе не такой строгой. Однако сказанный Чигиринским пропуск дал ему возможность пройти и мимо этого часового, и, войдя во дворец, он без ошибки направился по коридору самым коротким путем к караульному помещению.

Прежде, бывало, эти коридоры были полны народа, по ним сновала придворная челядь, а наряду с ней и придворные кавалеры и дамы, жившие в самом дворце. Теперь их выселили.

Шаги Чигиринского гулко раздавались по каменным плитам пустого коридора; он шел открыто, не стесняясь, потому что было весьма естественно, что в караульное помещение направлялся офицер полка, несшего в этот день караул.

Чигиринский знал, что дежурная комната примыкает к этому коридору и вход в нее через этот коридор. Подойдя к двери, он остановился и прислушался.

В караульной комнате царило молчание, значит, Манвелов был там один. Чигиринский из-за двери приказал ему спать, и так был уверен, что приказание его будет исполнено, что отворил дверь и вошел. Действительно, Манвелов спал, сидя у стола, по-видимому в той самой случайной позе, в какой застало его приказание.

Караульное помещение было все то же самое, как и несколько лет тому назад, когда приходилось здесь дежурить Чигиринскому. Та же висячая лампа с потолка, тот же стол ясеневое дерева, и пыльный шкаф, и изразцовая печка с фигурным карнизом.

Чигиринский запер за собой дверь на ключ и, оставшись один в комнате со спавшим Манвеловым, не стесняясь, придвинул к печке стул, достал из-под панциря на груди пачку документов и кинул их за фигурный карниз на печку.

Убедившись, что пакет брошен удачно и что снизу его не видно, он поставил стул на место, спокойно отпер дверь, вышел в коридор и, плотно закутавшись в плащ, смело пошел обратно к выходу. У самого выхода он приказал издали Манвелову проснуться и, миновав часового, отдавшего ему честь, через внутренний двор направился в главные ворота.

Очувтившись снова на площади, Чигиринский вздохнул не без облегчения. Главная и, может быть, самая опасная часть задачи была им выполнена вполне благополучно, без всякой помехи. Судьба как будто благоприятствовала ему.

На площади он повернул по направлению к Невскому, бодро шагая по снегу. На Невском было болеелюдно. Тут были свободные извозчики. Чигиринский подозвал одного из них, сел и велел ему ехать на Канатную улицу.

V

На Канатной улице стоял дом Мятлева, в котором жил теперь князь Платон Зубов.

Отношение императора Павла Петровича после восшествия его на престол к князю Платону Зубову оказалось поистине рыцарским. Из Зимнего дворца бывшему фавориту, конечно, пришлось переехать, но для него был куплен дом Мятлева на Канатной улице, причем и за этот дом было заплачено 100 тысяч рублей из кабинета его величества.

Когда князь переехал в новое свое помещение, император Павел посетил его в сопровождении императрицы, причем произнес достопамятные слова: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Когда подали шампанское, государь сказал: «Сколько здесь капель, столько желаю тебе всего доброго! – Затем, обращаясь к императрице, добавил: – Выпей все до капли!» – и, выпивши сам, разбил бокал. Платон Александрович кинулся императору в ноги, но был поднят с повторением слов: «Я тебе сказал: кто старое помянет, тому глаз вон». Потом подали самовар. Государь сказал супруге: «Разлей чай, ведь у него нет хозяйки».

Однако долго князю Зубову не пришлось пользоваться милостями Павла Петровича. После него оказались такие упущения и такой беспорядок в денежных делах по тем отраслям, которыми он заведовал, что было назначено следствие, и князь Зубов уволился в отставку. Теперь он жил в своем новом доме, никуда не показываясь, отягченный постоянными объяснениями, которые вынужден был давать по всем своим прежним промахам.

Чигиринский в прежнее время бывал у Мятлева и хорошо знал его дом. Он лихо подкатил к подъезду на своем извозчике и, щедро заплатив ему, вошел прямо в вестибюль парадной лестницы.

Здесь сразу уже почувствовалось, что над хозяином тяготеет гнет неблагополучия. Дом был плохо освещен, на лестнице горела всего одна сальная свечка; ни гайдуков, ни лакеев, обыкновенно теснившихся у входа в хоромы важных господ, не было, и один старый швейцар преспокойно храпел в большом кожаном кресле у колонны.

Чигиринский когда-то был с Зубовым сослуживцем по Конному полку и, конечно, мог велеть доложить о себе с расчетом быть принятым, в особенности теперь, когда князь Платон Зубов, еще сравнительно недавно недостижимый, был в унижении и в очень тяжелом положении. Но при виде сонного швейцара Чигиринскому пришлось в голову явиться к Зубову без доклада.

Он снял свой плащ, повесил его на вешалку и поднялся по парадной, устланной ковром лестнице.

Подъезжая, он заметил, что на фасаде дома светились только три окна большого парадного кабинета, знакомого Чигиринскому. Ему, для того чтобы попасть сюда, надо было пройти зал и две покрытые коврами гостиные.

Чигиринский не встретил никого из прислуги и появился в кабинете неслышно, пройдя по коврам. Кабинет был освещен двумя большими канделябрами, стоявшими на большом покрытом сукном столе, а за столом сидел Зубов, предаваясь своему любимому занятию, к которому пристрастился во время своего могущества. Он сидел и пересыпал горстью драгоценные камни, наполнявшие эмалевый сундучок. Камни пересыпались и, играя светом канделябровых свечей, искрились самоцветными огнями. Это было так красиво, что Чигиринский тоже залюбовался.

Князь Платон поднял глаза, вздрогнул и протянул руки над сундучком с камнями, как бы защищая его от нападения.

– Брось, чего ты испугался? – остановил его Чигиринский.

– Батюшки!.. Чигиринский, это ты? – воскликнул Зубов, обрадовавшись не столько старому товарищу, сколько тому, что его появление, очевидно, ничем не грозило и причин для страха никаких не было. – Но как же ты вошел?

– Ну, это все равно, как я вошел. Слушай, Платоша! Я тебя буду называть так, по-старинному. Дела твои, кажется, очень плохи?

Зубов нервно, суетливо захлопнул сундучок, отодвинул его в сторону и, размахивая руками и беспокойно бегая глазами, заговорил быстро-быстро:

– Видишь ли, собственно, все это – наветы и клевета... Конечно, это мне будет стоять, но все-таки я не беспомощен. В конце концов я отчитаюсь, потому что... вот хоть бы, например...

– Постой! – перебил его Чигиринский. – Мне вовсе не интересно, как ты будешь отчитываться, и дело не в этом. Денежная отчетность, братец, всегда такова, что ею можно любого человека окрутить, как паутиной.

– Ну да!.. Вот и я то же говорю.

– Ну вот... Значит, если начать распутывать, то это все равно что больше залезать в эту паутину. А хочешь ты сразу, одним махом покончить все?

– Разумеется, хочу.

– Так слушай, что я тебе скажу! Государь в эту минуту, по заведенному им обыкновению, пьет чай в маленькой гостиной и находится в отличном расположении духа. Сейчас же, как можно скорее, отправляйся во дворец и вели доложить о себе, сказав, что ты приехал по очень важному делу!

– Мне ехать сейчас к государю?!

– Да, и велеть доложить, что князь Платон Александрович Зубов имеет сообщить важное государственное дело. Государь примет тебя, а ты передашь ему, что в офицерской комнате караульного помещения за карнизом, на печке, лежат важные документы. Когда государь получит эти документы, он вернет тебе за них свое расположение. Тогда ты скажи ему, что болен, что силы у тебя плохи и что ты просишь позволения уехать за границу. Это единственный для тебя выход!

Зубов слушал, все пристальнее глядявываясь в Чигиринского и морща лоб, как бы с усилием припоминая. Вдруг он вспомнил, побледнел и проговорил с дрожью в голосе:

– Постой... как же это так?... Ведь ты же Чигиринский, тот самый, который был убит под Измаилом?

Князь Платон живо вспомнил, как пришло известие о взятии Измаила, какие были празднества по этому поводу и как во время этих празднеств при перечислении убитых называли бывшего его сослуживца по Конному полку гусара Воронежского полка ротмистра Чигиринского.

– Пустяки! – усмехнулся Клавдий. – Что ж такое, что я был убит? Это подробность, которая к делу не относится.

– Но как же ты пришел?

– Да вот так и пришел, как приходят с того света. Разве ты никогда не слыхал об этом? А вот ты вместо того, чтобы пучить на меня глаза, исполни немедленно, что я тебе говорил. Я тебе приказываю это...

С этими словами Чигиринский повернулся и вышел из комнаты.

Ни в гостиных, ни в зале, ни на лестнице опять никто его не встретил. В вестибюле он снял свой плащ и благополучно миновал сонного швейцара, по-прежнему храпевшего в своем кресле.

VI

Непосредственно последовать за Чигиринским Зубов не осмелился, да к тому же он так был ошеломлен внезапностью этого появления и странностью разговора, что ему почудилось, будто Чигиринский не вышел из комнаты, а исчез на его глазах, как должно исчезать привидение.

Прошло некоторое время, пока князь Платон решил дотронуться до сонетки и так сильно дернул ее, что чуть не оборвал. Подождав немного, он задергал нетерпеливо и с раздражением крикнул появившемуся слуге:

– Куда вы все запропалились?

Слуга заверил, что все они были на своих местах и что, едва его сиятельство изволил позвонить, он и прибежал.

– Поди узнай, кто впустил ко мне без доклада ротмистра Чигиринского! – неуверенно приказал Зубов.

Эти розыски ни к чему не привели. Лакеи и швейцар клялись и божились, что они все время безотлучно находились на своих местах и что никто не проходил мимо них. Они уверяли, что все время бодрствовали и ручаются своей головой, что никто не проходил.

Причиной упорной лжи лакеев была, конечно, неуверенность, с которой Зубов делал свои расспросы.

Все это кончилось тем, что князь твердо уверился в действительном появлении умершего Чигиринского и с суеверным страхом немедленно приступил к выполнению его приказания.

Он заторопил, приказывая как можно скорее подать карету, и оделся с совершенно несвойственной для него поспешностью. Руки его дрожали, он не находил того, что было нужно, и, кое-как снарядившись, вздохнул только в карете, дыша ее холодным воздухом.

«Конечно, это был убитый Чигиринский! – рассуждал он. – И вероятно, документы, которые он велел передать императору, весьма важны, если надо было прийти с того света, чтобы сообщить о них».

И князю казалось, что иначе он не мог поступить, как в точности повинуюсь воле выходца с того света.

«Но только при чем тут я? – недоумевал он. – Почему непременно я избран для сношения загробного мира с императором?»

На этот вопрос он сейчас же со свойственным ему себялюбием ответил успокоительно: конечно, судьба, благоприятствовавшая ему до степени того возвышения, до которого он был уже вознесен, теперь послала ему в затруднительном положении помощь и поддержку, совершенно ясно и определенно научив, что ему надо было делать для того, чтобы сразу выпутаться из всех этих надоедливых счетов и отчетностей. Он успокоился и подкатил к Зимнему дворцу, окрыленный надеждой и мечтами.

Между тем Чигиринский, выйдя от Зубова, опять нашел извозчика и вернулся на нем на Дворцовую площадь. Здесь он стал ходить, выжидая.

Его расчет хотя и казался ему верным, но все-таки мог и не привести к желанному результату. Однако других – лучших – средств у него не было. Необходимость требовала, чтобы документы были доставлены сегодня же, иначе масонская организация примет свои меры, побороть которые, пожалуй, он не будет в силах.

Явиться лично к императору Павлу для Чигиринского было немислимо, потому что император не знал его в лицо и, значит, никакой таинственности в этом его появлении нельзя было создать. Другого же, кроме Зубова, или, вернее, более подходящего в данном случае, Чигиринский не знал.

Конечно, целый ряд возможностей мог явиться помехой: прежде всего, решится ли Зубов отправиться так вдруг в Зимний дворец, затем, будет ли он там принят? Впрочем, если только он решится, то все остальное, вероятно, пойдет как по маслу.

Чигиринский знал порывистый и своенравный характер императора Павла и его склонность ко всему необычайному; поэтому он рассчитывал с несомненной уверенностью, что, как только Зубов доложит, что сверхъестественным появлением с того света известился о нахождении важных документов на печке в караульной, государь заинтересуется этим делом и сейчас же сам отправится в караульное помещение и велит достать себе документы.

Итак, самое худшее, что могло случиться, – это то, что Зубова не приняли бы или что он не решился бы исполнить данное ему поручение.

Для этого-то Чигиринский и сторожил теперь, ходя по площади. Он решил, что если Зубов не приедет во дворец, то ему нетрудно будет опять прежним путем и способом проникнуть в караульное помещение и взять оттуда документы совершенно так же, как он положил их туда.

Однако через некоторое время Чигиринский увидел подкатившую к подъезду дворца богато запряженную шестерней цугом карету с гайдуками на запятках и ливрейным лакеем на козлах. Затем дверца кареты отворилась, из нее вышли, и она захлопнулась. После того карета шагом отъехала от подъезда, сделала полукруг и остановилась несколько поодаль.

Чигиринский выждал время, которого было за глаза достаточно для того, чтобы Зубову выйти назад, если бы он не был принят, затем приблизился к карете и по нарисованному на дверце огромному гербу убедился, что карета действительно принадлежала Зубову.

Расчет его оказался верен: Зубов не только исполнил послушно его приказание и приехал во дворец, но и был принят там. Чигиринский, успокоившись с этой стороны, мог действовать дальше.

VII

До двенадцати часов ночи, когда назначено было совещание главарей масонства, времени еще оставалось много, и Чигиринский отправился туда пешком. Ему было известно, что главари собираются на Петербургской стороне, в маленьком домике, принадлежавшем статскому советнику Аркадию Федоровичу Поливанову.

Этот Аркадий Федорович Поливанов официально в рядах масонов не занимал никакого положения, и никто не знал, что он играет какую-нибудь роль в главной ложе Петербурга. А на самом деле в его маленьком домике на Петербургской стороне собирались главнейшие масоны, руководившие в России делом братства вольных каменщиков.

Среди них не значилось ни одного вельможи, ни одного высокопоставленного лица, тут не было ни одного мастера и ни одного масона, носившего явно высокие знаки ордена. Все эти высокопоставленные лица, вельможи и разные мастера пользовались орденскими знаками, сидели на почетных местах в заседаниях лож, и перед ними делали вид, что они имеют власть и значение, на самом же деле русским масонством руководили собиравшиеся у Поливанова братья, тайно посвященные в высшие степени. Собирались они туда без всяких знаков и обрядов, просто будто бы у доброго холостяка статского советника сходились его приятели, чтобы провести приятно вечер.

Чигиринский отправился туда пешком через Неву и шел настолько не торопясь, что, когда приблизился наконец к дому Поливанова, там уже все главари были в сборе. Войти ему, пустив опять в ход силу своего внушения, не представляло никаких затруднений, и он внезапно появился в маленьком зале, где происходило заседание. Масоны сидели за столом (их было девять человек), и в первую минуту внезапность его появления поразила их.

– Это Чигиринский!.. Это Чигиринский!.. – полусшепотом воскликнули некоторые из них.

– Да, это Чигиринский! – подтвердил занимавший председательское место. – Это Чигиринский, – повторил он как-то особенно торжественно громко, – тот самый, которого судить собрались мы здесь и которому, как вы видите, внушено, чтобы он явился к нам на суд. – Этого председательствующего Чигиринский не знал и видел впервые. Некоторые же из присутствующих были ему знакомы. Тут сидели сам Аркадий Федорович Поливанов, господин Тротото, век свой не выходивший из камер-юнкерского звания и потому прозванный «вечный камер-юнкер». Было еще несколько знакомых, но председательствующий был неизвестен Чигиринскому.

Слова, которыми тот встретил его, были довольно самоуверенны, и Чигиринскому захотелось сейчас же испытать свою силу над ним. Он тихо мысленно попробовал приказать ему сделать, в сущности, нелепость – встать и погасить одну из восковых свечей, горевших на столе в канделябре. Председательствующий немедленно встал, дунул на свечку и потушил ее. Он подчинился так легко, что Чигиринский, увидев его слабость, вполне успокоился, а то угроза какого-то неожиданного суда над ним в первую минуту встревожила его.

«Во всяком случае, – подумал он, – вышло довольно удачно, что я попал на их судбище! Теперь посмотрим, это будет даже очень интересно и занятно!»

– Вот так же, как я загасил эту свечку, – снова заговорил председательствующий, – погаснут всякая вражда против братства и всякое злодеяние, направленное против него. Этот неожиданный для нас приход обвиняемого служит совершенным доказательством силы нашего братства. Не вы ли еще вчера сомневались, удастся ли нам вызвать на суд этого человека? И что же мы видим? Он явился к нам для того, чтобы дать ответ во всех своих тяжких проступках. Брат-обвинитель, прочти вины этого человека!..

Эти слова были обращены к Аркадию Федоровичу Поливанову, видимо исполнявшему роль обвинителя. Тот заглянул в лежавшие перед ним бумаги и начал читать бесстрастным ровным голосом:

– «В середине июня 1789 года в Петербург приехал из-за границы человек, носивший высокое звание в масонской иерархии и именовавшийся доктором Германом. Он был встречен тобою в Петергофе, в доме, принадлежавшем члену нашего братства, и там в подвале ты его убил, скрыл в землю его труп, а одежду его надел на себя и явился к петербургским братьям под видом доктора Германа». Признаешь ли ты в этом себя виновным?

Чигиринский улыбнулся и спокойно ответил:

– Нет!

– Видишь ли, – продолжал обвинитель, – напрасно ты будешь заперяться и отнекиваться: следствие велось тщательно и кропотливо в течение многих лет, и все твои деяния установлены самым подробным образом, и в наших руках неопровержимые факты.

– Какой же факт доказывает, что я убил доктора Германа?

– Труп его был найден в земле, зарытым в подвале.

– Но из этого еще не следует, что он был убит мною. Дело было в том, что этот доктор Герман стал испытывать надо мною силу своего гипноза, но завладеть моим астралом ему не удалось: он не вынес своего напряжения и упал мертвым, а я его не убивал!

– Пусть будет так, – произнес председатель, – хотя доказать свои слова тебе нечем. Убийство доктора Германа не исчерпывает всех твоих злодеяний. Ты воспользовался тем, что доктор из-за границы и никто из нас не знал его в лицо. Переодевшись в его одежду, ты выдал себя за него и обманул братьев самым наглým образом!

– Вольно же братьям было поддаваться моему обману! – усмехнулся Чигиринский.

– Да, но зато теперь мы не поддадимся твоей лжи и не поверим никаким твоим оправданиям.

Чигиринский закинул голову и, прищурившись, посмотрел на председательствующего, после чего ответил медленно, с расстановкой:

– Я не унижусь настолько, чтобы оправдываться перед вами, а тем более лгать. Неужели вы думаете устранить меня? Если бы я боялся вас, то, конечно, не только не пришел бы к вам сегодня сам, но и не приехал бы вовсе в Петербург! А между тем вы видите, что я стою перед вами, и все вы, девять человек, сейчас силитесь воздействовать на меня, я же говорю вам: напрасно! Доктор Герман был несравненно сильнее вас, но все же умер с натуги. Советую бросить и вам, а то, чего доброго, и с вами что-нибудь случится.

При этих словах некоторые отвернулись, а камер-юнкер Тротото нагнулся так, чтобы канделябр закрыл его.

Чигиринский был доволен произведенным впечатлением и спокойно добавил:

– Так что, вы видите, о внушении мне не может быть и речи. Я по собственному желанию пришел к вам и рад, что застал вас как раз за этим судбищем, и буду говорить вам и отвечать не потому, что этого желаете вы, а потому, что я так хочу.

Голос его звучал строго и властно.

Присутствующие на заседании с удивлением посмотрели на него.

VIII

– Да, когда передо мной в таинственном подвале масонского дома в Петербурге умер приехавший из-за границы доктор Герман, я зарыл его труп и воспользовался его бумагами и одеждой и разыгрывал его роль, – продолжал Чигиринский, по очереди рассматривая сидевших перед ним масонов и изучая их лица.

– Это сознание мы занесем в протокол, – заявил председатель и, обратившись к Аркадию Федоровичу, добавил: – Продолжайте, брат-обвинитель!

Поливанов опять нагнулся к своим бумагам и снова стал читать, обращаясь к Чигиринскому:

– «Под видом доктора Германа ты принял верховное управление в главной ложе российской Астреи и похитил оттуда документы, привезенные из Франции доктором Германом и удостоверяющие участие масонов во Французской революции».

– Вы дознались до того, что эти документы похитил я? Что ж, я и это не буду отрицать! – усмехнулся опять Чигиринский.

– «Документы были похищены тобой, – читал между тем обвинитель, – с целью представить их царствовавшей тогда государыне Екатерине Второй, но ты не успел сделать это, так как внезапно был отправлен вместе со своим товарищем по полку Проворовым в действующую против турок армию. Там вы оба очутились под Измаилом, а ты продолжал все ту же игру, то есть, будучи офицером, изредка переодевался в доктора Германа и делал вид, что будто помогаешь братьям масонам найти пропавшие документы. Игра твоя была хитро рассчитана и очень сложно обставлена. У тебя был расчет запутать братство и погубить его. Под Измаилом, после его штурма, ты, как офицер Чигиринский, пропал без вести и тебя сочли умершим, на самом же деле ты продолжал действовать под видом доктора Германа. Документы ты будто бы оставил своему приятелю Проворову, а потом в качестве доктора Германа достал их и отправил с камер-юнкером Тротото за границу».

– Ну, так в чем же дело и в чем же вы меня обвиняете? – переспросил Чигиринский, опять обводя масонов долгим взглядом.

Ответил ему председательствующий:

– Мы долго не могли понять, зачем тебе нужно было разыграть всю эту историю и похитить документы; сделать самому же вид, что ты нашел их, чтобы отправить за границу...

– Ну, и что же, додумались вы до чего-нибудь?

– После тщательного изучения присланных за границу документов оказалось, что они были довольно искусной копией, иными словами, чтобы успокоить братство, ты вернул им подложные документы, а подлинные оставил у себя.

Чигиринский весело рассмеялся.

– Однако вы долго решали эту задачу, но решили ее совершенно правильно. Ну, конечно, подлинные документы сохранил я у себя, и вам их никогда не получить обратно.

– Мы их получим! – настойчиво произнес председательствующий.

На это Чигиринский ответил одним только словом:

– Попробуйте!

– Ты не должен забывать, – проговорил председательствующий, – что теперь, здесь, ты в нашей власти и что мы можем силой заставить тебя отдать документы. Они слишком важны, чтобы мы остановились перед чем-нибудь!

– Ах, как вы наивны! – покачал головой Чигиринский. – Неужели вы думаете, что, идя сегодня к вам, я так-таки и принес документы с собой?

– Этого мы не думаем, но мы можем заставить тебя сказать, где они находятся.

– Заставить?.. Употребить силу?.. Как это все низменно, грубо и ничтожно! Повторяю вам, если бы я вас боялся, то не пришел бы к вам! Значит, испугать вас меня нельзя. Да оно и не нужно: без всяких угроз с вашей стороны я вам откровенно скажу, где теперь документы, о которых вы хлопочете.

Глаза масонов впились в него, и все сидевшие за столом затаили дыхание, вытянув вперед шеи.

– В эту минуту документы находятся в руках императора Павла Петровича.

Эти внушительно произнесенные слова имели действие нечаянно разорвавшейся гранаты. Масоны отшатнулись и с беспокойством стали переглядываться.

Из всех один председательствующий сохранил хладнокровие. Он успокоительно помахал собранию рукой и сказал Чигиринскому:

– Возле императора Павла, весьма благосклонно относящегося к нашему братству, есть много наших братьев, и они следят за ним неустанно. Будь документы в его руках, мы бы это знали...

– Завтра вы узнаете это! – произнес Чигиринский.

IX

– Завтрашний день еще не пришел, – возразил председательствующий, – и о том, что мы узнаем завтра, теперь нам неизвестно. Но если документы действительно переданы императору, то это лишь отягчает твою вину, и за одно желание предать братство, если даже оно останется невыполненным, ты подлежишь самому строгому наказанию.

– Не хотите ли вы этим сказать, что лишите меня жизни? – усмехнулся Чигиринский, не выказав ни малейшей робости.

– Ты должен сам знать статут нашего ордена: за измену полагается смертная казнь. Брат-палач найдет тебя, если даже ты сумеешь увернуться сегодня от нас, и исполнит свой долг.

– И вы думаете, ему удастся это?

– Мы в этом уверены.

– Но вы забыли одно очень важное обстоятельство, а именно, что я уже лишен жизни и принял человеческий облик лишь для того, чтобы иметь удовольствие беседовать с вами.

Большинство масонов почувствовало себя очень неловко, а камер-юнкер Тротото нагнулся так низко, что совсем ушел под стол.

– Пустые сказки! – опять махнул рукой председательствующий. – Мы отлично знаем, что твоя смерть под Измаилом была фиктивная и что ты потом продолжал действовать под именем доктора Германа, выдавая себя за Клавдия Чигиринского, будто бы двойника и как две капли воды похожего на умершего Ивана Чигиринского. Все это могло обмануть разве очень наивных людей, но не нас! Мы знаем, что теперь ты живешь в доме Проворова под именем Клавдия Чигиринского.

Чигиринский задумался. Все это было совершенно верно, и масоны были осведомлены очень подробно.

Минута наступала более или менее решительная. Но у Чигиринского уже был составлен план действий. Свою силу над председательствующим он уже знал и, внимательно изучив остальных во время этого якобы суда над ним, убедился в достаточной их слабости, чтобы они поддались массовому внушению. Он внезапно шагнул вперед, вытянул руки, сделал два сильных пасса и, собрав всю свою силу воли, приказал им впасть в полный сон. Он даже не ожидал такого быстрого результата: все девять масонов, как один человек, остались неподвижны, почти не изменив своего положения.

Тогда Чигиринский не спеша подошел к столу, взял лежавшие перед братом-обвинителем бумаги, по которым тот читал свое обвинение Чигиринскому, а затем внушительным голосом произнес раздельно, как бы роняя слог за слогом:

– Вы проснетесь завтра утром и, когда проснетесь, забудете все, что узнали про меня через свое расследование; вы будете уверены, что подлинные документы хранятся у вас за границей в тайниках, и что сегодня вы видели перед собой призрак умершего Ивана Чигиринского, и что брат его, близнец Клавдий, очень похожий на него, живет в доме Проворова.

Проговорив это, Чигиринский пожелал проверить степень подчинения этих господ своей воле.

Председателю он приказал влезть на стол, упереться руками в бока и сесть на корточки; сидевшему рядом с ним почтенному масону он велел высунуть язык и взять председательствующего за нос. Они немедленно выполнили это. Камер-юнкера Тротото он поставил на четвереньки под стол, а самого обвинителя Аркадия Федоровича Поливанова заставил сесть верхом на стол и показывать нос всей честной компании. Так он расставил всех девятерых масонов, а одному из них, последнему, велел помочить палец в чернильнице и написать на белой стене комнаты большими буквами: «Дурачки».

Устроив все таким образом, Чигиринский удалился и, закутавшись в свой плащ, зашагал обратно через Неву домой.

Хотя сегодня все кончилось благополучно, но относительно будущего ему все-таки пришлось крепко задуматься. Оказалось, что осведомленность масонов была все-таки довольно подробна, и в те несколько лет, в течение которых он скрылся с их горизонта, они сумели произвести о нем тщательное расследование и не только разузнать более того, что было желательно Чигиринскому, но и вообще докопаться до всей, что называется, подноготной.

Конечно, эти девять человек, которых он оставил в доме статского советника Поливанова, будут послушно исполнять его волю, стоять на том, что он внушил им, но ведь могли быть еще другие члены братства вольных каменщиков, которым стало известно все это расследование. Таким образом, дело осложнилось, и было о чем подумать Чигиринскому.

Поглощенный этими мыслями, он вернулся домой.

Там, несмотря на поздний час, его ждали. Парадная лестница была освещена, и несколько слуг встретили его на ней.

– Что такое? Отчего вы не спите? – спросил Чигиринский, недовольный, что слуги видели его одетым в мундир конногвардейского офицера.

Ему ответили, что Сергей Александрович приказал ждать его и сам с барыней тоже не ложился спать и ждет наверху, в столовой.

– Случилось что-нибудь? – уже с беспокойством опять спросил Чигиринский, помня происшедший сегодня с Проворовым случай.

– Нет-с, слава Богу, ничего не случилось! – ответил лакей. – Велели подать ужин и сидят за столом, разговаривают.

Успокоенный Чигиринский быстро пошел вверх по лестнице вместо того, чтобы идти к себе.

Х

– Наконец-то ты пришел! – радостно встретил шурина Проворов. – А уж мы беспокоились...

– Что ж, и не ложились спать? – спросил Чигиринский, садясь к столу.

– Да где же тут спать? Если бы ты еще промедлил полчаса, я поднял бы тревогу. Ну, что же, по крайней мере, все сделал, все обстоит благополучно?

– Постойте! – возразил Чигиринский. – Дайте мне сначала поесть чего-нибудь. Я сделал два больших конца пешком и, надо правду сказать, проголодался.

На столе стоял холодный ужин. Чигиринский взял кусок сочной жирной ветчины, налил красного вина в стакан и принялся с удовольствием есть. Потом, утолив голод, он стал подробно рассказывать свои сегодняшние похождения и сообщил все подробно до самого последнего, то есть как он расставил масонов после их заседания.

Елена не могла не рассмеяться, представив себе фигуры этих господ в их несурзных позах.

– Воображаю себе, как проснутся они завтра и какие сделают лица, увидев друг друга в таком смешном положении! – сказала она. – Но, во всяком случае, я очень рада, что ты сделал

все, что было нужно, и что мы можем уехать из этого скверного Петербурга опять назад в Крым, в наше имение, где так спокойно и хорошо.

– Вы поезжайте, – ответил Чигиринский, – а мне, к сожалению, надо еще остаться здесь!

– Остаться? – удивились в один голос Елена и Проворов. – Зачем тебе оставаться?

– Для этого есть много причин, – как-то уклончиво ответил Чигиринский, очень усердно принимаясь чистить румяное яблоко.

– Я одного не понимаю, – проговорил Сергей Александрович, подливая еще вина в стакан шурина. – Зачем ты, умея так отлично переодеваться и изменять свой облик, сейчас вот ходишь по Петербургу в своем виде, то есть так, что тебя могут узнать все, которые помнят тебя как конногвардейского офицера? Ведь объяснение, что ты – родной брат-близнец будто бы умершего Ваньки Чигиринского, Клавдий, во-первых, очень сложно, а во-вторых, не совсем вероятно.

– Э, брат! Люди настолько просты, что чем невероятнее рассказывай им истории, тем они охотнее будут верить.

А кроме того, ты видишь, хотя бы по сегодняшнему вечеру, мое появление у Зубова в виде призрака сыграло свою роль и принесло пользу.

– Ну хорошо, что сделано, то сделано! Но не лучше ли тебе теперь преобразиться опять в какого-нибудь старика доктора вроде того Германа, которого ты так прекрасно разыгрывал?

– А что, нас тут никто не может подслушать? – перебил Чигиринский и, встав, осмотрел двери. Так как там никого не было, то он вернулся к столу и, принявшись опять за свое яблоко, сказал, сильно понизив голос: – Без переодевания, конечно, обойтись будет нельзя, и я выберу себе какую-нибудь фигуру для того, чтобы бывать в среде масонов и приглядывать за этими господами, чтобы обезопасить их для нас.

– Ну и отлично! – сказал Проворов. – Если хочешь, я возобновлю прежние знакомства в Петербурге и представлю тебя в новом виде, как вновь приезжего из-за границы.

– Все это так, но прежний свой облик я окончательно терять не намерен!

– Да почему же, если это грозит совершенно ненужными осложнениями? – воскликнул Проворов.

– Да видишь ли... тут дело выходит такое... то есть это мое личное дело... Третьего дня я так же, как сегодня вечером, шел через Неву на Петербургскую сторону, чтобы точно узнать дом, где собирались масонские главари. С этой разведки надо было начать! Ну, и тут произошел случай, не совсем обычный для меня.

– Случай?

– То есть не случай, а вернее – встреча. Да, впрочем, это неинтересно!

– Как неинтересно, если это касается тебя? – стал возражать Проворов.

– Да это все очень просто. Я шел и увидел, что навстречу мне неслась запряженная в маленькие санки лошадь, очевидно взбесившаяся, а в санках была девушка, которая, не потеряв присутствия духа, помогала кучеру натягивать вожжи. Это было одно мгновение. Я кинулся, схватил лошадь под уздцы, и мне удалось задержать ее. Ну, и представь себе, что девушка в санках сохранила полное присутствие духа и, когда я стал расспрашивать ее, смеясь, сказала, что это ничего, и интересовалась только, не пострадал ли я как-нибудь.

– И ты узнал, кто была она?

– В том-то и дело, что ничего узнать не мог, так как она не дала мне времени ни на какие расспросы. Я даже лица ее хорошенько не видел, только большие черные глаза блеснули на меня из-под капора! Да еще я знаю, что она говорила с сильным польским акцентом. Но полек много в Петербурге, и я боюсь, что не узнаю ее при встрече! Она же прекрасно видела мое лицо, освещенное луной, и мне хочется, чтобы она узнала меня в моем образе. Вот потому-то я и не хочу менять его.

XI

Через несколько дней, когда Чигиринский сидел внизу у себя в комнатах, к нему вбежал Проворов, оживленный и даже в некоторой степени и взволнованный.

– Представь себе, что я узнал! – заговорил он. – Из самых верных источников: масоны впали в немилость. Зубову же дан рескрипт с позволением ехать за границу, а по дороге заехать в его литовские имения!

Чигиринский не торопясь поднял голову и, с улыбкой взглянув на приятеля, спокойно произнес:

– Что же тут удивительного? Я не сомневался, что это так и будет.

– Да, но все в недоумении, и никто ничего понять не может! Вызванный только что из Москвы масон Лопухин отправлен обратно, Новикову велено оставаться в своем имении, и вообще теперь все чураются братства вольных каменщиков!

– Ну а сами-то они что?

– Среди них самих царит полная растерянность. Они ожидали совершенно противоположного, они ничего не понимают, да и никто ничего понять не может. Все дивятся непостоянству императора Павла Петровича.

– Ну, мы-то с тобой знаем, что он действует в настоящем случае, как, впрочем, и во всех других, чрезвычайно последовательно.

– Да, никто и не подозревает, что до императора дошли подлинные, неопровержимые документы, уличающие масонов. Но ты себе представить не можешь, кто теперь первый и громче всех кричит против масонства и ругает его!..

– Кто же? Вероятно, камер-юнкер Тротото?

– Ну да, он, конечно, он! Он теперь летает из одного дома в другой и наперебой, до охриплости кричит о вреде масонской организации.

– Ну что же! Это еще умнее всего прочего, что он делал до сих пор! Но, значит, действительно масоны обретаются не в авантаже, если камер-юнкер Тротото решился на открытое порицание их!

– Я же тебе говорю, и увольнение Зубова также никто не может понять!

– Какие же ты делаешь из всего этого заключения?

– Во-первых, для меня теперь несомненно, что расчет твой был верен и что документы действительно попали в руки государя через Зубова, так как он получил устраивающий его дела рескрипт, а песенка масонов у нас спета.

– По крайней мере, на время царствования императора Павла, продли Бог дни его жизни!

– Аминь! – заключил Проворов. – А мы, значит, можем теперь ехать! Ты все-таки решишься остаться?

Чигиринский молчал, задумавшись и глядя мимо Сергея Александровича.

– Чигиринский, я тебя спрашиваю? Ты все-таки желаешь остаться здесь? – спросил его Проворов.

– Да, я так думаю!

– Это все из-за твоей польки? Послушай, ведь ты же видел ее мельком, да и то одни глаза! Ведь не мог же ты влюбиться в нее?

– Ну вот еще какой вздор: влюбиться!

– Отчего же? С тобой это может случиться, как и со всяким другим, но только нужно, чтобы для этого был подходящий, то есть достойный для тебя предмет, а нельзя же так, в самом деле, удовольствоваться лишь тем, чтоб на лету видеть глаза, не зная даже, кто их обладательница и что она такое?

– Ну уж если говорить серьезно, так кроме ее глаз я видел еще весь ее стан, тонкий и прекрасный, затем видел, как она безбоязненно, стоя в санях, помогала кучеру удерживать лошадь. Судя по одежде и по закладке лошади, она должна принадлежать к знатной польской семье.

– Однако она ехала в открытых санях, в одиночку, без гайдуков, без всякого сопровождения?

– У поляков это допускается гораздо свободнее, чем у нас: парадные выезды у них очень пышны, а обыкновенно они ездят попросту.

– Ну хорошо! Ты хочешь отыскать ее во что бы то ни стало? Что же ты для этого намерен предпринять? У тебя есть какой-нибудь определенный план?

– Конечно, есть, и довольно несложный. Ты знаешь, что бывший король Польши Станислав Август Понятовский вызван в Петербург и с его приездом, вероятно, будут торжества и празднества, на которые явится все польское общество. Очевидно, там будет и моя паненка, я ее увижу и познакомлюсь с ней!

– А потом?

– А потом, вероятно, ничего. Мне просто интересно познакомиться с нею, посмотреть, какова она; хочется, чтобы она меня узнала, вот и все; а после этого, вероятно, я поеду или назад с вами в Крым, или за границу.

– Ну, тогда мы с Еленой подождем тебя, если ты предполагаешь, что можешь поехать с нами.

– Конечно, вероятнее всего, я с вами и уеду! – заключил Чигиринский, вставая и потягиваясь после долгого сидения за книгами.

И они оба пошли наверх к Елене.

Глава вторая

I

Отношения России к Польше при вступлении Павла Петровича на престол представлялись приблизительно в таком виде: Польша уже не существовала как самостоятельное государство; она была разделена Австрией, Пруссией и Россией. Последний ее король Станислав Август Понятовский был, в сущности, ставленником России и принадлежал к партии Чарторийских, враждовавших с партией Потоцких, которая была против России.

Мать Станислава Августа была из рода Чарторийских, а отец его, Станислав же по имени, был мазовецким воеводой. После уничтожения Польши и раздела ее Потоцкие и их приверженцы жили в Петербурге в качестве пленных. Этой же участи был подвергнут и знаменитый польский генерал и патриот Костюшко: Станислав же Август жил на свободе в Гродно.

Вскоре после своего восшествия на престол император Павел прибыл в сопровождении наследника-цесаревича в Мраморный дворец, где в нижнем этаже содержался – правда, под строгим присмотром – раненый пленный Костюшко.

Мраморный дворец служил прежде помещением для Григория Орлова и был выстроен Екатериной II для этого своего любимца. Над входом этого дворца во время пребывания там Костюшки еще красовалась надпись: «Здание благодарности».

Чтобы судить, насколько можно доверять разным якобы документам, дошедшим до нас от прежних времен, достаточно сказать, что посещение императором Павлом польского генерала изображено на гравюре того времени в мрачной темнице, ничего общего не имеющей с роскошным дворцом, в котором на самом деле жил Костюшко.

Павел I сказал этому герою Польши, что давно сожалел о его участи, но не мог ничего для него сделать, теперь же желает вознаградить пленника за все перенесенное им.

– Вы свободны! Я сам желал принести вам эту утешительную весть, – сказал император, а затем, вынув свою шпагу из портупей, подал ее Костюшке, говоря: – Такому храброму воину неприлично быть без шпаги. Вот, возьмите мою!

Костюшко был глубоко растроган и в порыве волнения воскликнул:

– Призываю Бога в свидетели, что пожалованной мне шпаги русского царя я никогда не обнажу против русских¹.

Павел Петрович подсел к Костюшке и продолжал разговаривать очень ласково.

Между прочим, Костюшко спросил, будут ли освобождены и другие польские пленные.

– Они будут также освобождены, – ответил государь, – хотя в моем совете многие высказались против освобождения Потоцкого и Немцевича! Но я отпущу и их, если вы мне дадите ваше слово, что принимаете на себя ручательство за их хорошее поведение.

Костюшко ответил, что за Немцевича он ручается, а относительно Потоцкого не может принять на себя какого-либо обязательства, не переговорив с ним предварительно.

Государь остался очень доволен этой осторожностью Костюшко и разрешил ему навестить Потоцкого, когда только он того пожелает.

Затем Костюшко попросил государя позволить ему удалиться в Америку. Император объявил ему свое согласие и обещал даровать ему средства для осуществления этого путешествия.

¹ Костюшко честно сдержал данный им обет и даже по воцарении Александра I ни в 1806 году, ни в 1812 году не последовал с другими поляками за воевавшим с Россией Наполеоном.

Присутствовавший при этом свидании великий князь Александр Павлович настолько был растроган этой сценой, что, прощаясь, со слезами на глазах несколько раз обнял Костюшку.

Император Павел лично отправился также и к Потоцкому и сказал ему:

– Я знаю, что вы много страдали, что вас долго оскорбляли и преследовали; мои министры решительно противились вашему освобождению, я один держался противного мнения. Господа министры желают водить меня за нос, но, к несчастью, его у меня нет! – сказав это, государь с улыбкой провел рукой по своему лицу, после чего добавил: – Обещайте мне оставаться спокойным! Рассудок должен указать вам на эту необходимость. Новые попытки могут только навлечь на вас новые несчастья. Я всегда был против раздела Польши и признаю его делом настолько же несправедливым, как и недальновидным и в политическом отношении. Теперь, однако, поправить ошибку нельзя! Для восстановления Польши необходимы содействие и согласие со стороны трех держав на возвращение отобранных частей. Но представляется ли вероятным, чтобы Австрия и в особенности король прусский отдали свои доли? Не могу же я один отдать принадлежащую мне часть и ослабить себя в то время, когда они усилились? Это невозможно! Или мне приходится объявить им войну, чтобы принудить их к восстановлению Польши! Но согласитесь, что это еще менее возможно, так как империя моя крайне нуждается в мире. Итак, вы видите, что вам следует подчиниться обстоятельствам и оставаться спокойными.

Потоцкий, тронутый откровенной и милостивой речью государя, дал ему с полным чистосердечием требуемое обещание.

Все пленные поляки были отпущены и покинули Петербург.

Костюшко направился через Швецию и Англию в Америку после прощальной аудиенции, данной ему в Зимнем дворце. Ему было пожаловано огромное состояние в тысячу душ, но, по его прошению, этот дар был заменен деньгами. Ему было выдано из кабинета его величества шестьдесят тысяч рублей и, кроме того, в расходных статьях личного счета императора показано «тысяча шестьсот сорок один рубль тридцать копеек за купленные для генерал-поручика Костюшки разные вещи, одежду и карету».

В то же время особым указом Сенату была объявлена амнистия всем вообще полякам, подпавшим под наказание, заточение и ссылку по случаю бывших в Польше замешательств. Император повелел: «Всех таковых освободить и отпустить в прежнее их жилище, а заграничных, буде пожелают, и за границу. Об исполнении сего Наш Сенат имеет учинить немедленно надлежащее распоряжение, предписав куда следует, чтобы со стороны губернских правлений и других земских начальств взяты были меры к наблюдению, дабы сии освобождаемые оставались спокойны и вели себя добропорядочно, не входя ни в какие вредные сношения под опасением тягчайшего наказания».

II

Развенчанного короля польского Станислава Августа Понятовского, проживавшего со времени раздела Речи Посполитой в Гродно, Павел Петрович пригласил к себе в Петербург, и тот, прибыв в невскую столицу 27 февраля в карете, прямо направился в Мраморный дворец, назначенный для его пребывания.

Там высокого гостя ожидали император Павел I и великие князья Александр и Константин. Государь окружил безземельного короля царскими почестями и относился к нему с самым изысканным вниманием, тем более что в связи с его путешествием произошло довольно странное обстоятельство, поставившее русское правительство в несколько неловкое положение.

Дело состояло в следующем. Так как путь Станислава Августа в Петербург лежал через Ригу, то ему там была приготовлена торжественная встреча. На улицах была поставлена почетная стража из рижских бюргеров, в доме Черноголовых назначен был парадный обед. Увы!

Всем этим почетом воспользовался Платон Александрович Zubov, ехавший через Ригу за границу, а не Станислав Август, который в назначенный день в Ригу не приехал, а прибыл позднее и потому не был почтен встречей.

Как потом выяснилось, все это было подстроено не без умысла; рижские немцы не хотели признать развенчанного короля и поставили на своем – им было приказано приготовить торжественную встречу, приготовить они ее приготовили, согласно приказанию, но встретили не Станислава Августа Понятовского, а князя Zubova. Бюргеры в качестве почетной стражи на улице отдали ему честь, а дворянство накормило его в доме Черноголовых обедом.

Император, узнав об этом, сильно разгневался и подписал на имя барона Петра Александровича фон дер Палена, представителя лифляндского дворянства, распорядившегося всей встречей, рескрипт грозного содержания: «Господин генерал-лейтенант Пален, с удивлением уведомился я обо всех подлостях, вами оказанных в проезде князя Zubova через Ригу. Из сего и я делаю сродное о свойстве вашем заключение, по коему и поведение мое против вас соразмерно будет. Сие письмо можете показать генерал-лейтенанту Бенкендорфу».

Христофор Иванович Бенкендорф занимал в то время место военного губернатора в Риге. Он был женат на баронессе Шиллинг, подруге детства императрицы Марии Федоровны.

По случаю происшествия с князем Zubovым генерал Бенкендорф получил 2 февраля высочайший выговор в рескрипте: «Известясь обо всем происшедшем в Риге, в проезде князя Zubova, удивляюсь, как вы могли допустить все сие сделать и, видя из сего слабость исправления должности вашей, делаю вам за сие выговор».

Рижскому губернатору барону Кампенгаузену император Павел писал от того же числа: «С удивлением известился я о встрече и других почестях, сделанных мещанством рижским князю Zubovu при проезде его через Ригу. Как подобные почести никому из частных людей не принадлежат, то я и требую от вас ответа, для чего вы допустили делать оное мещанство, в поступке коего видится одна лишь подлость, что вы им и объявите».

Относительно Бенкендорфа и Кампенгаузена Павел Петрович ограничился этими письмами, но о Палене последовал указ, по которому «генерал-лейтенант фон дер Пален за почести и встречи, делаемые партикулярным людям, как то при проезде князя Zubova, и за отлучку без увольнения в Митаву для провожания его же, выключен из службы».

Гордость напыщенного барона была уязвлена до крайности. В последовавшей за его самовольство каре он видел не только для себя унижение, но прямое оскорбление. Он рассчитывал, что его умышленная ошибка пройдет незамеченной и он избежит таким образом от необходимости ему, немецкому барону, встречать какого-то поляка, ставшего королем из простых смертных и затем развенчанного. Он даже думал, что даст этим тонкий урок императору Павлу Петровичу, что нельзя-де заставить немецкое баронство делать то, что ему неудобно. Ни он сам, ни кто-либо из немецкой знати не ожидали, что в Петербурге решатся на крутые меры «из-за таких пустяков». Они были приучены в предыдущее царствование совсем к иному. Император Павел не побоялся баронства и приобрел вследствие этого в бароне Петре фон дер Палене смертельного врага, затаившего против него злобу.

III

Станислав Август довольно быстро освоился в Петербурге. Вокруг него сгруппировались поляки из партии Чарторыских, и таким образом создалось подобие маленького двора.

Большого штата прислужников Понятовский иметь не мог, потому что денежные дела его были очень плохи. Этими его делами заведовал камердинер Рикс, давнишний его слуга и доверенное лицо. Он умел угодить своему господину и потому пользовался его доверием и беспределным значением.

Сам Станислав Август по характеру был человек равнодушный, неспособный увлекаться. Он любил роскошь, и в бытность его королем польским двор его в Варшаве считался одним из блестящих и по изяществу, царившему там, и по легкомыслию нравов. Станислав Август был равнодушен и к женщинам совершенно так же, как и ко всему остальному; и, может быть, оттого они в бытность его королем наперебой старались ему понравиться. Стать метрессой или фавориткой короля считалось тогда в Варшаве большой честью, и знатные польки добивались этой чести, чего бы это им ни стоило. По четвергам у короля бывали собрания, на которых сходились вместе с польской аристократией и поэты, и писатели, и художники.

Когда Станислав Август был лишен престола и переехал на скромное житье в Гродно, он отнесся к этому так же безучастно, как относился к недавнему блеску своего двора. Ни жалоб на свою участь, ни отчаяния он не выказал. Может быть, это происходило оттого, что он верил в свою судьбу и спокойно рассчитывал, что она позаботится о нем. Когда пришло известие в Гродно о том, что вновь взошедший на престол император вызывает его в Петербург, Понятовский это принял без волнения, собрался и поехал так просто, как будто ничего особенного не случилось.

Теперь, поселившись в Мраморном дворце, он ходил по его роскошным комнатам, останавливался у окна, глядя на покрытую снегом широкую Неву, и думал о том, что, пожалуй, ему все-таки нужно дать бал, тем более что обласкавший его император Павел требовал от него, чтобы он держал себя, как владетельная особа. Да и надо было собрать вокруг себя общество. Таким образом, необходимость бала вытекала из самих обстоятельств.

Понятовский позвонил и вошедшему на его звонок лакею велел позвать к себе камердинера.

Через некоторое время пришел старый Рикс и застал Станислава Августа стоящим у окна в бесстрастном созерцании белевшей своим снежным покровом Невы. Камердинер, войдя и, по-видимому, не особенно чинясь, со своего рода ласковой развязностью спросил, спрятав одну руку в карман:

– Что угодно вашему величеству?

– Нужны деньги, – не оборачиваясь, ответил Станислав Август.

– Деньги... деньги! – повторил Рикс, переступив с ноги на ногу. – А если спросить, зачем вам деньги, так этого никто не знает.

– Нет, на этот раз мне серьезно нужны деньги.

– У вас всегда серьезно, а потом окажется пустяки! А впрочем, попросите у императора: он вам, вероятно, даст.

Станислав Август, прищурившись, посмотрел на Рикса и не торопясь направился в смежную комнату, служившую ему кабинетом.

– Не могу же я просить у императора Павла деньги для того, чтобы устроить бал для него же! – проговорил он на ходу.

Рикс прошел за ним в кабинет.

– Вашему величеству угодно дать бал?

– Ах, мне все равно! – ответил Станислав Август, опускаясь в кресло и зевая. – Но этого требует приличие!

Рикс, вероятно, не мог не согласиться с этим доводом. Его расчетливый ум сейчас же взвесил положение и сообразил, что, действительно, со стороны бывшего короля требовалось если не вполне, что называется, показать себя, то, во всяком случае, соблюсти более или менее достойно приличия.

– Ведь роскошью никого не удивишь в Петербурге!.. Здесь в прошлое царствование привыкли к таким празднествам, что после них ничего не может уже быть заметным! – начал говорить Рикс, как бы соглашаясь. – Да и нынешний император терпеть не может мотовства!

– Ну так вот, мне нужны деньги! – подтвердил Станислав Август.

– А чем мы платить будем?

– Ах, какие пустяки! Впрочем, если не хочешь, тогда и не надо! – И Станислав Август, облокотившись на руку, стал смотреть перед собой, как будто уже думая совсем о другом.

«Положим, – продолжал мысленно рассчитывать Рикс, – теперь, ввиду отношения к нему императора, есть кому заплатить долги. А для того, чтобы они были заплачены, надо поддерживать это отношение, а чтобы поддержать его, нужно представительство».

– Хорошо! – проговорил он наконец вслух. – Надо будет постараться достать денег. Только много я не обещаю.

– Постарайся, чтобы хватило! – не спеша добавил Станислав Август, продолжая глядеть перед собой.

Рикс постоял еще некоторое время, подождал, не скажет ли король ему что-нибудь, но тот молчал, и он ушел, озабоченный этими денежными хлопотами, которые вечно взваливал на него господин.

IV

В Польше, в особенности ко времени ее падения, было очень развито масонство, принимавшее близкое и деятельное участие в раздорах всяких политических партий этой лишенной крепкого правительства страны.

Рикс, как близкое к королю лицо, был замешан в братстве вольных каменщиков и сохранил с ними сношения и после падения Станислава Августа.

Большинство денег, которые он доставал за своим ручательством для своего господина, происходило от масонов, никогда не жалевших золота, чтобы держать в руках выдающихся политических лиц. А то, что пренебрегать таким человеком, как Станислав Август, им не было расчета, доказывал хотя бы прием, оказанный ему Павлом Петровичем. Поэтому Рикс так легко обещал достать нужные Понятовскому деньги, вполне уверенный, что достанет их для него у масонов.

Свои сношения с братством Рикс поддерживал в Петербурге через родную сестру свою пани Юзефу, жену бывшего на русской службе поляка. Теперь, приехав в Петербург, он, разумеется, мог через сестру вступить и в непосредственные личные сношения с масонами и, конечно, поспешил сделать это. Сестра познакомила его с немцем – доктором Пфаффе, который, по ее словам, играл в петербургской ложе Астреи хотя и далеко не главную, но все-таки деятельную роль. Между Риксом и немцем было условлено, что, как только будет надобность, доктор будет приглашен в Мраморный дворец как бы для того, чтобы навестить больного.

После своего разговора с королем о деньгах Рикс послал к Пфаффе нарочного, и тот явился немедленно, напялив на себя свой лучший кафтан и приняв облик серьезного ученого мужа. Его встретил старый камердинер и, к некоторому разочарованию немца, сказал, что не король нуждается в его совете, а только он, его камердинер. Пфаффе поджал губы, но все-таки последовал в отдельную комнату, куда повел его Рикс.

Тут они сделали друг другу тайные масонские знаки своей степени, и Рикс в немногих словах изложил, в чем дело. Немец подумал – кажется, больше для важности, чем для необходимости, – и, наморщив лоб, проговорил тоном прорицателя:

– Я думаю, то есть я полагаю, даже, могу сказать, уверен, что это можно будет сделать и помимо братства: у меня есть знакомый состоятельный человек, и, за верным поручительством, у него можно будет достать необходимую сумму.

– А что вы называете верным поручительством?

– А хоть бы ваша подпись, господин Рикс!

– Что же, я согласен! Только где и как мне найти этого вашего человека?

– О, это вполне порядочный человек! – стал рассказывать Пфаффе. – Он – статский советник, Аркадий Федорович Поливанов. У него свой небольшой дом на Петербургской стороне. Если вы хотите, мы отправимся к нему, и все будет сделано очень скоро. Мы можем поехать хоть сейчас.

Это понравилось Риксу, который не любил откладывать дел.

В его распоряжении во дворце была карета, он велел заложить ее и отправился с Пфаффе на Петербургскую сторону к Поливанову, о принадлежности которого к масонскому ордену не подозревал не только Рикс, но и Пфаффе, имевший с ним давнишние дела.

Как немец и предсказывал, Поливанов был очень стоворчив и легко ссудил тысячу рублей развенчанному польскому королю под ручательство его камердинера.

На возвратном пути Рикс с Пфаффе заехали к пани Юзефе, чтобы напиться у нее чая.

– Я нарочно заехал к тебе, – сказал, между прочим, ей брат, – чтобы предупредить тебя, что в эти дни у меня будет много хлопот и поэтому не будет времени видеться с тобой.

– Хлопот? Каких же это именно? – стала расспрашивать любопытная Юзефа. – Или, может быть, это тайна?

– Нет, никакой тут тайны нет. Просто король хочет сделать у себя вечер, и мне надо будет заняться приготовлениями.

– Вечер!.. Вот оно что!.. Тогда я надеюсь, что Рузя будет приглашена? О себе я, конечно, не говорю, но мне хочется, чтобы моя дочь была на вечере у польского короля, и ты мохсешь это сделать для своей племянницы!

– Знаете, господин Рикс, – деловито и внушительно произнес Пфаффе, – у меня есть тоже к вам одна просьба: я очень желал бы, даже больше... я стораю нетерпением тоже быть приглашенным на вечер к его величеству королю Польши.

V

На другой день утром в приемной прусского посла графа Брюля сидело несколько просителей, невзрачных немцев; среди них доктор Пфаффе тоже ждал своей очереди быть принятым. Просители входили один за другим в дверь посольского кабинета, приглашаемые туда молодым чиновником.

Пфаффе, которому следовало идти в кабинет после почтенного курляндского пастора, наконец дождался, что тот, остававшийся довольно долго у посла, вышел. Доктор, очевидно, был уже не в первый раз на приеме и, как свой человек, ответил полупоклоном на приглашение чиновника войти.

Посол сидел в своем кабинете за большим круглым столом и, взглянув на вошедшего, не здороваясь, коротко спросил:

– Что нового, господин доктор?

Пфаффе склонил голову набок, заложил руки за спину и не без некоторой развязности доложил, стараясь быть как можно короче в выражениях:

– Новости, ваше сиятельство, небольшие, но интересные! Камердинер бывшего польского короля, старый Рикс, обратился ко мне, как масон к масону, с просьбой достать ему денег для устройства вечера, который хочет сделать бывший король для приема государя и петербургского общества.

– И вы пришли ко мне за этими деньгами? – хмурясь, проворчал граф Брюль.

– О нет! – быстро подхватил Пфаффе. – Я обошелся на этот раз без масонского братства!

– И достали деньги? У кого?

– У меня есть знакомый, статский советник Аркадий Федорович Поливанов, он живет в своем доме на Петербургской стороне...

Брюль быстро глянул снизу вверх на Пфаффе и произнес одно только слово:

– Глупо!

– Но что же тут глупого, экселенц? – упавшим голосом произнес доктор. – Я думаю, масонскому братству выгодно заручиться связью с таким лицом, как Станислав Август?

– Послушайте, мой добрый Пфаффе, – заговорил посол, – вы очень аккуратный и исполнительный человек, когда точно действуете согласно данным вам приказаниям, и в этом отношении я вас очень ценю, но только – раз навсегда – бросьте предпринимать что-нибудь самостоятельное!

– Неужели я должен был отказать? – удивился доктор.

– Вы должны были прийти ко мне и спросить, – пояснил Брюль. – Дело в том, что теперь масоны в Петербурге лишились своего значения и вам нужно, впредь до новых обстоятельств, удалиться от них. Мы должны иметь в виду одну только пользу нации. Ну а для нас, немцев, вовсе не нужно, чтобы какой-то шляхтич, ставленник русских, бывший польский король, окружал себя в Петербурге каким-то ореолом и задавал приемы! К тому же вы напрасно воображаете, что достали деньги частным образом. Разве вы не знали, что этот ваш статский советник Аркадий Федорович Поливанов, так же, как и вы, принадлежит к масонскому братству и имеет в нем даже довольно высокую степень?

– Аркадий Федорович Поливанов?! – всплеснул руками Пфаффе. – Кто бы это мог думать!..

– Ну да! И он дал господину Понятовскому, конечно, не свои, а масонские деньги. А вот если бы вы вовремя пришли ко мне и спросили, я запретил бы вам идти с этим Делом к Поливанову и помочь таким образом соединиться Риксу с одним из серьезных масонов.

– Но я даже не знал, что он член братства!

– Ну вот теперь знайте и заметьте себе этот случай на будущее: ничего не делайте, не доложив об этом мне.

– О, будьте спокойны, ваше сиятельство, теперь в будущем я ничего не сделаю, не доложив об этом вам!

– Погодите! – остановил доктора Брюль. – Вы пройдете к господину Фелькерзаму и скажете ему от себя... Вы, надеюсь, знаете господина Фелькерзама?

– Господин Фелькерзам – посланник саксонского двора. О, я его знаю очень хорошо, и он меня знает также!

– Ну вот пойдите к нему и скажите от себя, что Станислав Август устраивает у себя вечер и что необходимо, чтобы саксонский посланник был на этом вечере. Только ни слова о том, что это я вас послал!

Пфаффе склонился и совсем уже молитвенным шепотом произнес:

– Слушаю, экселенц!

– А затем побывайте у Рикса и скажите ему, чтобы он не забыл послать приглашение на вечер мне и господину Фелькерзаму. Я предпочел бы, чтобы этого вечера у господина Понятовского вовсе не было, а уж раз состоится, нам волей-неволей нужно быть там.

– Я тоже там буду! – не без гордости вырвалось у Пфаффе.

Но Брюль остановил восторг немца.

– Я думаю, что это будет лишнее! Вы там окажетесь не нужны.

Пфаффе с усилием подавил вздох сожаления и покорно произнес:

– Хорошо, экселенц! Я не пойду на этот вечер.

VI

Мраморный дворец был настолько великолепно обставлен и снабжен таким обилием утвари и посуды, что требовалось очень мало усилий для того, чтобы дать в нем бал или вечер. Поэтому никаких значительных приготовлений со стороны Рикса не потребовалось для заду-

манного Станиславом Августом празднества. Нужно было только нанять музыкантов, сделать покупки для угощения и достать потребное количество прислуги.

Оркестр искать в то время в Петербурге не приходилось, потому что в любом богатом доме имелись свои крепостные музыканты и всегда была возможность их нанять. Магазины разной гастрономии, сладостей и фруктов Петербург тоже был богат, и за деньги можно было достать все что угодно, а прислуга имелаась в Зимнем дворце, и Станиславу Августу можно было воспользоваться ею.

Приглашения были разосланы всему чиновному и знатному Петербургу. На вечер ждали самого государя, и потому в назначенный день съезд в Мраморный дворец оказался такой значительный, что кареты далеко еще от него на набережной должны были становиться в очередь и подвигаться шаг за шагом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.